

Соберите всю коллекцию
мистических романов Олега Роя
в серии «Пазлы судьбы»

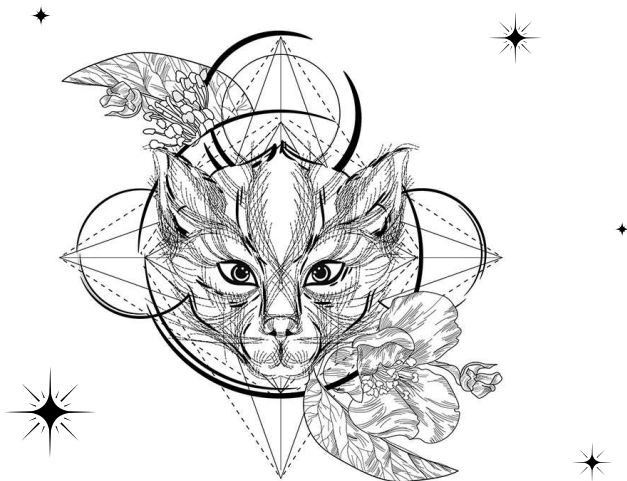

Пазлы судьбы +
Обняться, чтобы уцелеть

Улыбка черного кота

Олег РОИ

Улыбка
черного кота

Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р65

Во внутреннем оформлении использована иллюстрация:
© YAZZIK / Shutterstock.com / FOTODOM
Используется по лицензии
от Shutterstock.com / FOTODOM

Рой, Олег.

Р65 Улыбка черного кота / Олег Рой. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с.

ISBN 978-5-04-221848-4

Антон Житкевич сам себя не узнавал. Он, молодой, но уже успешный ученый и весьма перспективный бизнесмен, никогда не веривший в приметы, предсказания и прочую мистику, привыкший полагаться только на факты, вдруг решил сделать татуировку. Впрочем, ничего удивительного. В глубине души, тайно, Антон надеялся, что эта авантюра изменит его судьбу. Как только на спине Антона появилось изображение улыбающейся морды черного кота, перемены грянули как гром среди ясного неба... И это явилось всего лишь началом долгого пути к истине...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-221848-4

© О. Рой, 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

*Памяти
моего сына Женечки
посвящается*

ПРОЛОГ

По недавно отремонтированной, ровной и гладкой дороге друзья домчались до аэропорта Шереметьево-2 на удивление быстро. Сергей, с детства слывший большим пижоном, вел свой новый красный «БМВ» с нескрываемым самодовольством и то и дело сыпал шутками; Антон же все больше отмалчивался, он курил сигарету за сигаретой и, глядя в окно на пробегавшие поля, думал о своем пятилетнем сыне. Антон впервые расстался с мальчиком и был не уверен, что Костик перенесет разлуку легко и безболезненно...

Автомобиль играючи выдавал свои коронные сто сорок километров в час, однако в его комфортном салоне почти не ощущалась такая невероятная даже для московских дорог скорость. Молодые люди не успели оглянуться, как центр города остался далеко позади.

Февраль выдался в столице теплым, пасмурным. С утра шел дождь, а к вечеру подморозило, и красная машина легко неслась по тонкой ледяной корке шоссе. Извечные лужи куда-то подевались, и друзья лениво замечали вслух, что столичная слякоть скорее возникает не от потепления, а от той самой соли, которой, вопреки запрету московских властей, упорно посыпают улицы... Сергей привычно трепался о работе, общих знакомых. Антон же задумчиво созерцал нечеткие контуры темного мокрого леса, размытую даль полей, тонкую сетку февральского дождя — точно пытался запомнить этот пейзаж, с которым расставался как минимум на полмесяца, — и сердце его, вопреки всем доводам рассудка, сжималось от бессмысленной, ничем не объяснимой, но такой острой тревоги.

Самолет из Парижа в Пекин, транзитом следовавший через Москву, вылетал поздно ночью. Рейс был выбран Антоном по совету Сергея. Приятелю не раз приходилось бывать в Китае — в детстве он летал на каникулы к отцу-дипломату, когда стал старше — на студенческие стажировки и, наконец, уже по собственным служебным надобностям, на работу — в Пекин, в российское посольство.

Ранний зимний закат окрасил низкое пасмурное небо в розовато-лиловые тона. Голос Сергея звучал

не переставая, и Антон, чтобы заглушить беспричинную тоску, которая грызла его все последние месяцы, попытался сосредоточиться на наставлениях друга:

— В самолете народ будет разный, Антоша, но ты не тушуйся; в основном всем спать захочется, и ты спи — ночь ведь. Садись, куда посадят, насчет проставленного в билете места не упирайся. Рейс у тебя надежный, экипаж китайский, все будет отлично. И не стесняйся брать напитки, когда стюардессы будут разносить. Это бесплатно. Если захочешь, можешь купить у них же чего-нибудь покрепче. Понял?

— Понял, — эхом откликнулся Антон.

Сергей наставительно продолжал:

— Как выйдешь из самолета и доберешься до телефона — сразу позвони. Ты же знаешь, я не успокоюсь, пока не услышу, что у тебя все нормально...

Еще со школьных лет у Сергея выработался покровительственный тон в обращении с Антоном. Уверенный в себе, всегда безукоризненно и дорого одетый, этот темноволосый красавец не случайно был лидером и заводилой в их компании. Только... Антон посмотрел на приятеля, а потом снова бросил взгляд на дорогу. Заводилой-то, несомненно, был Серега, но Светка почему-то выбрала в мужья его, Антона... Когда-то это казалось ему наивысшим счастьем. А теперь...

— Мечтайте осторожнее: мечты имеют обыкновение сбываться, — неожиданно для себя самого пробормотал Антон вслух.

— Ты что-то сказал? — мгновенно откликнулся Сергей.

Антон резко покачал головой:

— Нет. Ничего.

У шлагбаума Сергей заплатил за проезд в зону аэропорта — это было новое для Москвы, уже постсоветское «завоевание» российского капитализма, — и приятели поехали к месту парковки.

Командировка Антона в Пекин была ответственным мероприятием для обоих. Но Антон, как главный в их команде, сначала должен был посетить Китай один. Ему, молодому доктору наук и ведущему российскому специалисту в области инновационных биотехнологий, нужно было представить китайским партнерам фирму с научной стороны, посмотреть лаборатории и познакомиться с условиями работы. А через неделю, на завершающей стадии подписания контракта, к Антону уже планировал присоединиться Сергей. И тогда уже они решат остальные, не менее важные вопросы, связанные с финансовыми условиями сотрудничества. Впрочем, в прибыльности затеянного дела можно было не сомневаться — контракт с известной китайской фармацевтической фирмой просто по определению не мог быть невыгодным.

Антон вынул из багажника небольшой новенький чемодан и портплед с пиджаками. И к чему столько одежды, с досадой подумал он. Портплед Антон взял опять же по настоянию друга. Его бы воля, он бы точно отказался от всей этой кучи ненужных вещей! Но ничего не поделаешь — деловой визит.

Беззлобно чертыхнувшись, Антон попытался удержать в руках нетяжелый, но громоздкий багаж и еще раз непроизвольно вздохнул. Да уж, будь его воля, он бы точно полетел в Китай с обычным рюкзаком! А что? Удобно и без проблем — засунул в верхний шкаф над сиденьем в самолете, и все дела. Потом не пришлось бы ждать выдачи багажа, время тратить... Однако ничего не попишешь: положение обязывает. Вступаешь в мир большого бизнеса, изволь соответствовать.

Не торопясь, молодые люди прошли через автоматически разъезжающиеся стеклянные двери. Голос из динамика тонул в гудении огромного зала. На большом табло в строке рейса компании «Чайна лайн» уже светилась пометка о начавшейся регистрации.

Друзья попрощались перед заграждением у таможенного поста. Сергей долго жал приятелю руку, хлопал по плечу и торопливо давал последние советы, смешно причмокивая. Пожалуй, это был единственный внешний недостаток Сергея — недостаток, который ему так и не удалось изжить: когда Сергей начал волноваться, он всегда смешно причмокивал.

Пожелав наконец друг другу ни пуха ни пера, приятели расстались. Сергей остался ждать у ограждения, а Антон, миновав таможенников, быстрым шагом направился к стойке регистрации.

Ему предстоял долгий беспосадочный перелет: до Пекина, считай, почти восемь часов. Антон удобно устроился в кресле и постарался расслабиться. День был суетным, хлопотливым, но он, к счастью, уже заканчивался.

Антон мысленно перенесся домой. Костик и Настя наверняка сейчас ужинают. Сын рассказывает, что нового произошло у него в саду, что сделал или сказал его друг Ваня и какую башню они построили из кубиков. Антон улыбнулся, представив, как Костик забавно разводит в сторону руки и тянет: «Во-о-от такую широченную и высоченную!» После ужина сын еще немного поиграет перед сном, пока Настя моет посуду и убирает на кухне, а потом ляжет спать. Настя посидит рядом с его постелькой, почитает сказку, пока он не заснет, и... Неожиданно Антон поморщился, нет, все-таки скверно, что он разлучился с сыном. Настя, без сомнения, справится со всеми обязанностями — Костик уже большой, а она девушка ответственная, — но все равно это nepopядок.

Антону досталось кресло в хвосте самолета. «Боинг» надсадно гудел, набирая высоту. Тяжелая пряжка ремня безопасности холодила кожу живота сквозь тонкую ткань рубашки. Антон знал,

что его ждет напряженная и нервная неделя; надо было выспаться, чтобы утром, после ночного перелета, сразу приняться за дела.

Прикрыв глаза, он вслушивался в журчащую по соседству незнакомую речь. Его попутчики в основном были китайцы, возвращавшиеся домой. Молодежь студенческого вида, бизнесмены — люди молодые, но солидные, степенные семейные пары...

Антон подозвал стюардессу и попросил не будить его, когда станут разносить ужин или напитки. Девушка озабоченно посмотрела на Антона, затем на номер кресла, доброжелательно кивнула и ушла. Антон снова закрыл глаза, устроился удобнее в кресле, расслабился и провалился в глубокий сон.

Проснулся он от того, что машину сильно потрянуло. Антону показалось, что самолет пошел на посадку. Так оно и было: ровно гудя, мощная машина начала снижаться, преодолевая густое молоко плотных облаков, — над Пекином стоял сильный туман, погода оказалась пасмурной. Вдруг раздался мощный грохот, от сильного удара распахнулись дверцы верхних шкафов, и на пассажиров посыпалась ручная кладь. Антон рванулся с места, чтобы посмотреть на кабину пилота, однако ремень безопасности резко ограничил его движения. Попытавшись отстегнуться, Антон схватился за пряжку, но в этот момент его стукнуло по голове

чем-то тяжелым, в глазах потемнело, и сознание отключилось.

Самолет не долетел до китайской столицы всего пару десятков километров. При снижении машина врезалась левым крылом в гору и стала падать. Вспыхнули баки с топливом. «Боинг» развалился на несколько частей; его нос врезался в землю. Отколовшийся хвост лайнера падал отдельно от других частей машины, и мощные кроны старых сосен смягчили его удар.

От пожара в самолете погибли почти все — стюардессы, члены экипажа, пассажиры первого класса, пассажиры бизнес-класса. И лишь четверо путешественников из экономкласса, которые сидели в самом хвосте, остались живы: огонь, видимо, был сбит сильной струей воздуха при падении хвостовой части.

Среди четверых выживших пассажиров оказался и Антон. Его место было справа, в самом конце самолета. После удара по голове тяжелым кофром Антон потерял сознание и так и остался сидеть в кресле, пристегнутый ремнем безопасности. Обожженными у него оказались лицо, грудь, руки и ноги... Спина, как ни странно, совсем не пострадала. В том же ряду, что и Антон, у окна сидела молодая китайская пара — беременная женщина и ее муж; они тоже выжили, хотя и находились в тяжелом состоянии. Четвертым уцелевшим был полный мужчина средних лет. При

ударе о землю его выбросило из кресла, и он получил такое количество переломов, что спасатели с трудом смогли переложить пострадавшего на носилки, опасаясь за его жизнь.

* * *

Трагическое известие, переданное всеми новостными программами мира, пришло в Москву к вечеру следующего дня. Однако список погибших российских граждан появился в китайском посольстве в Москве лишь через трое суток; Антон среди них не числился. Для родственников, коллег, партнеров и друзей Антона это означало безумную, почти несбыточную, но все же надежду — он жив.

Пациентам дорогой частной клиники, в которой лечился отец Антона, было разрешено смотреть вечерние новости. Как только закончился сюжет про авиакатастрофу в Китае, Николай Васильевич Житкевич, сидевший все это время перед телевизором, затаив дыхание, быстро поднялся с кресла и направился к себе в номер. Побросав в сумку необходимые вещи, он молча прошел мимо дежурного врача и, никому ничего не сказав (Житкевич-старший привык все решения принимать самостоятельно), покинул стены своей комфортабельной тюрьмы. В последнее время Николай Васильевич именно так, тюрьмой, и называл этот наркологический диспансер, добавляя иногда — для разнообра-

зия, — что пребывает на лечении в эксклюзивном месте для безвольных лентяев... Врачи, понимая, что этот солидный мужчина преклонного возраста не только выведен из состояния запоя, но и полностью приведен в норму, не спорили с пациентом. Они не могли не видеть, что психологическая зависимость от рюмки в нем ослабела, почти исчезла, однако оставили его здесь еще на месяц по просьбе сына, который оплатил лечение, желая проверить, насколько закрепился эффект терапии. Сейчас доктора клиники не собирались препятствовать уходу Житкевича, но, разумеется, все выглядело бы совсем иначе, если бы больной не считался ими полностью готовым к выписке.

— Борис Викторович, Житкевич уходит, — тихо проговорил в трубку прямого переговорного устройства дежурный врач.

— Пусть идет, — последовало в ответ негромкое распоряжение. — Нам все равно пришлось бы его отпустить в этих обстоятельствах. Ты ведь слышал, Женья?..

Молодой ординатор кивнул, он тоже следил за последними известиями и знал, что сын Житкевича собирался на днях улететь в Китай...

А тем временем Николай Васильевич, даже не подозревавший, что в другой ситуации его непременно задержали бы уже при выходе из корпуса (он не дошел бы даже до проходной), упруго

и размашисто шагал по шоссе. На железнодорожной станции Житкевич сел в первую же электричку и поехал в Москву. Была уже глубокая ночь, когда Николай Васильевич добрался до квартиры сына. Стараясь не будить Настеньку, Житкевич до утра просидел на кухне, а в восемь проводил внука в детский сад и поехал в китайское посольство.

Вечером, приехав ни с чем, Николай Васильевич рассказал Насте о катастрофе. У девушки опустились руки, на него же самого страшное известие, напротив, подействовало мобилизующе, его реакция была вполне мужской и правильной — собрать все силы, действовать во что бы то ни стало, надеяться до последнего и искать, искать, искать Антона... Все последующие дни Житкевич оставался бодр, полон сил и энергии. Он принял решение посвятить себя воспитанию внука и с этого дня забыл о водке.

Костик узнал новость об отце последним. Разумеется, он не мог еще осознать всех размеров своей утраты; ему сообщили только, что папа заболел, из командировки вернется попозже. Но у ребенка, фактически выросшего без матери, было обостренное чувство любви и потери. По лицам взрослых, по заплаканным Настиным глазам Костик не то чтобы догадался, а скорее почувствовал: случилось что-то по-настоящему серьезное. Мальчик потянулся к деду всей душой, а ведь знал его до этих пор совсем мало.

Для отца Антона и его сына авиакатастрофа китайского лайнера была личной, ни с чем не сравнимой трагедией. Зато Светлана, жена Антона и мать Костика, вначале восприняла известие о крушении самолета почти как благую весть. Для нее смерть Антона являлась внезапным освобождением и разрешением всех проблем.

Они с Сергеем узнали о случившемся едва ли не самыми первыми. Сергей тут же принялся нервно названивать в аэропорт. В справочной отвечали уклончиво: список погибших уточняется, окончательные данные китайской стороной еще не предоставлены...

Сев в машину, Сергей со Светланой помчались в Шереметьево. Сергей понимал, что, скорее всего, толку от этого мало — так, неумелая попытка сделать хоть что-нибудь и успокоить собственную совесть, — но он хотел лично поговорить с администратором, узнать, к кому обращаться, выяснить, есть ли хоть какая-то надежда... Сергей взял с собой Светлану, потому что она по-прежнему официально значилась женой Антона и у нее были нужные документы.

Потолкавшись у стоек, они наконец нашли дежурного по аэропорту. Тот старался держаться как можно более ровно, предложил поговорить с местным психологом и сказал, что точные сведения о катастрофе поступят позже.

По дороге обратно, когда они, устав от бесполезных блужданий по кабинетам, мчались по пустому ночному шоссе домой, Светлана внезапно начала рыдать. «За что мне такое?! — кричала она. — Он меня бросил, оставил почти без средств. Как он мог?» Сергей раздраженно прикрикнул на нее: «Очнись, что ты несешь? Человек, может быть, погиб, а ты только о себе думаешь. У тебя сын есть, о нем подумай! И рано еще мужа твоего хоронить. Там же трое мужчин выжили. Надо лететь в Китай, а не кликушествовать здесь».

Сергей, не задумываясь, почти машинально бросал ей какие-то правильные, нужные в этот момент слова, а сам думал про себя, что Антон оставил ему в наследство свою истеричную дуру, и теперь уже ему точно от Светки не отвязаться и придется всю жизнь с ней мучиться...

Совершая все эти продиктованные нормальной человеческой реакцией действия, разговаривая с людьми, Сергей в глубине души постоянно взвешивал последствия произошедшей катастрофы для только что возникшей фирмы и для себя лично. Оказывается, провидение, вмешавшись в судьбу Антона, основательно позаботилось о будущем Сергея.

Антон оставил ему право вести переговоры, практически все документы, всю информацию — он ведь всегда был доверчивым, совсем не умел

просчитывать риски. У Сергея остался также солидный пакет акций. Вторая половина по закону должна была перейти Светлане и ее сыну. Существовала еще какая-то персона, заинтересованная в прибылях новой фирмы, — Сергей не успел толком вникнуть, кто это. Чья-то внучка, дочка... в общем, черт ее знает кто. Выяснение этого можно было оставить на потом; Антон говорил: это что-то семейное, значит, тоже завязано на Светку... Получалось, практически все денежки поплывут в руки к нему, к Сергею, полновластному и теперь единственному распорядителю фирмы. Он, единственный теперь, имел право вести переговоры, подписывать контракты, принимать решения; Антон выдал ему это право сразу после регистрации их новой фирмы. К тому же Сергей почти в совершенстве знал китайский язык. Предполагать, что безмозглая и ленивая Светлана захочет всерьез заниматься делами, было бы просто смешно. Значит, теперь он сможет выстроить бизнес так, как ему захочется. Он — настоящий, а не номинальный хозяин. И фирма и бизнес принадлежат ему.

Получалось, китайская катастрофа для Сергея — просто подарок судьбы. Такое бывает раз в жизни...

«Вероятность того, что Антон выжил при падении с такой высоты и уцелел после пожара, минимальна, — рассуждал Сергей. — Но в Китай на опознание все-таки надо лететь, и как можно быстрее.